

«Пионер живописного цвета»

Илья Штильман (1902–1966) — один из талантливейших украинских живописцев XX века, портретист, мастер натюрморта и пейзажа, где его дар колориста проявился полнее всего.

Ирина КЛИМОВА

Пейзаж давал художнику возможность не только совершенствовать свое мастерство, но и находить красоту в самых, казалось бы, неподходящих для этого объектах. Трудно поверить, что такие работы, как «Завод возрождается», «Задымили домны», «Мартеновский цех», «Кривой Рог» (хранятся в Луганском художественном музее) или картина «Старые баржи», — социальный заказ. Ему был чужд «механический подзавод», любой сюжет

давал повод решать творческие задачи. Цвет в картинах Штильмана порой ошарашивает, но кто сможет объяснить, какими средствами удалось ему добиваться колористических эффектов, превращающих работу мастера-профессионала в произведение, тайну притягательности которого разгадать невозможно. Казалось бы, Штильман писал лишь то, что видел, но он умел претворять это на холсте особым образом, никогда не сводя работу к простому копированию природы. Его пейзажи подмосковного Загорска не похожи на виды Киева: другой воздух, другие цветовые вибрации. Несколько

▲
Краски сентября.
1963.
Х., м. 60×80 см.
Собрание семьи
художника

зимних пейзажей вместо привычного холода завораживают призрачным лилово-коричневым теплом... Находясь в царстве свободы интерпретаций, он с легкостью менял тональность своих работ от почти режущих глаз контрастов до абсолютной гармонии. Виртуозное владение цветом позволяло ему передавать в пейзаже тончайшие оттенки человеческих настроений и чувств: нежность, страдание, тоску, радость, умиротворенность. Картина 1960 г. «Причал в Каневе» — воплощение тайны цвета, трепетной и ускользающей.

О творчестве И. Штильмана написаны обстоятельные статьи, однако никакие, даже самые глубокие, искусствоведческие работы не позволяют составить полное впечатление о произведениях мастера. Это возможно только при долгом и вдумчивом общении непосредственно с его картинами.

Работы Штильмана хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Национальном художественном музее Украины, Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры, в большинстве художественных музеев Украины, но чаще в фондах, а потому широкому зрителю они почти недоступны.

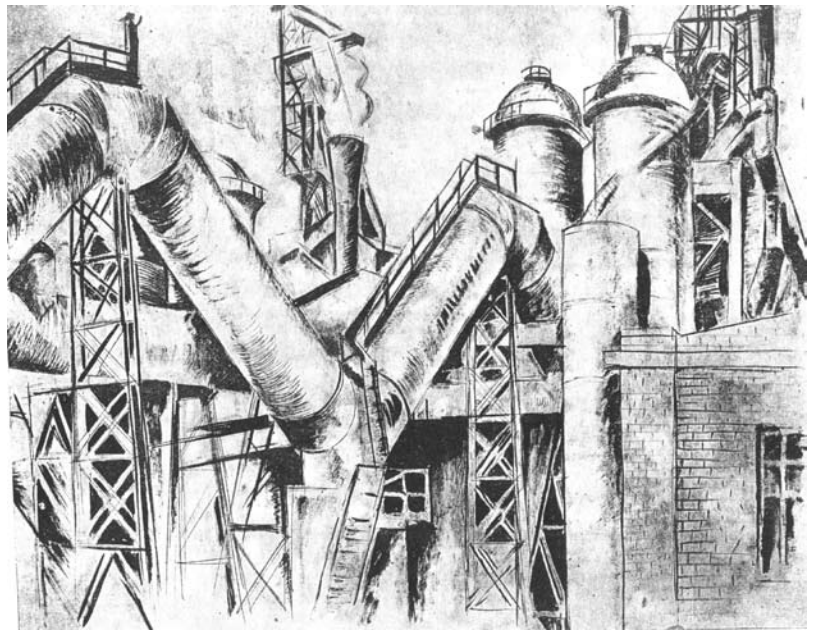
В 2003 г. в Национальном художественном музее Украины к 100-летию со дня рождения мастера состоялась ретроспективная выставка его произведений, которой предшествовали организованные в том же музее выставки и вечера памяти в 1970, 1982 и 1992 гг. Удивительно, но при жизни Илья Нисонович отказывался от персональных выставок, несмотря на множество предложений.

Для сохранения памяти о художнике много делает его сын Анисим Ильич Штильман. В этой статье использованы и его воспоминания.

Илья Нисонович Штильман родился в Киеве в 1902 г. Его отец был столяром-краснодеревщиком, участвовавшим в оформлении интерьера Киевского политехнического института. Несмотря на тяжелое материальное положение семьи, все четверо детей смогли реализовать свои творческие способности и получить хорошее образование.

Младший брат Натан Нисонович имел высшее музыкальное и техническое образование и работал руководителем студии звукозаписи Всесоюзного радиокомитета в Москве. Под его руководством и при непосредственном участии были осуществлены записи большого количества музыкальных произведений в исполнении лучших оркестров СССР и мира, хоровых коллективов, крупнейших дирижеров и солистов.

Другой брат Эля Нисонович — талантливый скрипач и дирижер, необыкновенно красивый, утонченный юноша, который ушел из жизни совсем молодым, заболев тифом.

Младшая сестра Елизавета Нисоновна стала пианисткой, работала в Киеве аккомпаниатором в Доме звукозаписи.

Уже в детстве у Ильи Штильмана проявились способности к рисованию. В 1917–1920 гг. он учился в Киевском художественном училище, где его первым педагогом была А. А. Крюгер-Прахова. В 1921 г. он поступил в Академию искусств (реорганизованную позднее в Киевский художественный институт). Учился в мастерской Н. Бурачека, пробудившего в нем любовь к пейзажу, что и определило дальнейший творческий путь художника. После ухода Бурачека из Академии продолжил обучение в мастерской Ф. Кричевского (1923–1926 гг.). Заканчивал институт в 1927 г. в мастерской Л. Крамаренко. Его дипломной работой стала

▲ **Вверху:**
Домна. (Крама-
торский завод).
1930. Б., карандаш.

Внизу:
Музыканты на
еврейской свадьбе.
1927. Х., м.

▲
Загорск зимой. 1943.
Х., м. 61×80,5 см.
НХМУ

картина «Музыканты на еврейской свадьбе», репродукция которой была опубликована в московском журнале «Искусство» в 1928 г. и отмечена в ряде публикаций.

С 18 лет Илья Штильман участвовал в выставках. Его работы «Лодки», «Деревья на солнце», «Аллея осенью», «Хаты» экспонировались в Украинской академии искусств осенью 1921 г.

Во время учебы Штильман посещал также мастерские В. Меллера и В. Пальмова. Впоследствии учителя стали его близкими друзьями и коллегами. Теплые, сердечные отношения возникли у художника со многими мастерами старшего поколения — П. Волокидиным, В. Кричевским, А. Богомазовым, а позже и с его собственными учениками.

Много и проникновенно рассказывал о своем учителе на вечере его памяти Борис Рапопорт. «Илья Нисонович — прекрасный, великолепный живописец и в то же время талантливейший администратор... Сколько людей лично благодарны ему. Он буквально спас Фомина: когда тот

заболел, Илья Нисонович много сделал для того, чтобы поставить его на ноги. А сколько он сделал хорошего для студентов. Хотя бы вспомнить такой случай, когда он поехал с С. В. Герасимовым в Москву, а время было тяжелое, то привез и подарил студентам костюмы. Это все равно, что сейчас подарить квартиру...

Илья Нисонович сумел так сплотить коллектив, что он был как одна семья... Когда мы приехали в Загорск, он сказал: „Вы попали в необыкновенные места, вы всю жизнь будете вспоминать, как писали именно эту зиму“. К нам тогда приехали Шовкуненко, Трохименко... Илья Нисонович собрал всех и сказал, что жизнь сейчас трудная, вам, может быть, дают меньше красок, хлеба, возможно, есть какое-то недовольство, давайте будем собираться вместе и вместе решать все наши вопросы, чтобы не создалось мнения, что украинские художники разобщены. И действительно, так и получилось... и если кто-то и был недоволен, то об этом знал только Илья Нисонович.

Хочу сказать несколько слов о том, как Илья Нисонович работал. Когда он писал, то никогда не показывал неоконченные работы, и если подходили к нему в этот момент, он делал несколько шагов навстречу. Но потом показывал, советовался.

Много своих работ он уничтожил. Мы передали в Украинский музей всего 105 работ, а у Штильмана в мастерской все было ими заставлено. Я помню все его работы. Когда мы передавали их в 1966 году, ни одной из картин, которые были в институте, я не видел. Илья Нисонович был очень требовательным к себе, если он приносил работы на выставку, это было что-то исключительное. За всю свою жизнь он не сделал ни одной персональной выставки, но его работы поражали...»

Основные годы творческой деятельности Штильмана протекали в тот период, когда господствовал социалистический реализм. Социальный заказ преобладал над собственными творческими устремлениями. Многим художникам уход в такие жанры, как пейзаж и натюрморт, давал возможность работать плодотворно, а главное, относительно свободно.

Для Штильмана пейзаж был не убежищем, а осознанным выбором, хотя он работал и в других жанрах, принимал участие в оформлении

зданий и улиц Киева, праздничных демонстраций, создавал монументальные панно, плакаты, диаграммы. Но именно в пейзаже он достиг подлинного творческого прозрения, раскрыл свой дар колориста. Краска, взятая с палитры, превращалась на холсте в цвет, который действовал магически. Например, индустриальные пейзажи Штильмана были прежде всего настоящей живописью, а не попыткой точно зафиксировать конкретный объект. Ярким примером является одна из его самых значительных пейзажных серий «Днепр одевается в гранит» (1936–1937), которая, к сожалению, погибла в годы войны, как и почти все другие его работы довоенного периода.

Николай Глуценко на вечере памяти И. Н. Штильмана в 1970 г. назвал его «пионером живописного цвета на Украине». Он отметил, что этот художник, по сути, являлся руководителем группы наших крупнейших пейзажистов, и все они говорили, что чувство любви к цвету заложил в них именно Штильман.

После войны Илья Нисонович много лет руководил в Киевском художественном институте пейзажной мастерской, выпускниками которой стало большинство современных украинских пейзажистов. Только сильная творческая индивидуальность и крупный педагог

◀
Окрестности
Самарканда. 1943.
Х., м. 54×69 см.
НХМУ

мог создать мастерскую не как учебный класс, а как направление в изобразительном искусстве. Среди воспитанников Штильмана такие выдающиеся мастера, как Б. Рапопорт, А. Файнерман, Я. Мацеевская, С. Кошевой, Е. Овсянникова, Г. Чернявский и другие. Один из самых талантливых его учеников Иван Савенко в годы войны потерял руку, но это не помешало ему стать первоклассным живописцем, которым Илья Нисонович гордился до конца жизни.

Многие годы И. Н. Штильман руководил творческой практикой первокурсников в Каневе, поэтому все выпускники живописного и графического факультетов в той или иной степени считали и считают себя его учениками. А это такие признанные художники, как Т. Голембиевская, В. Барина-Кулеба, В. Гурин, А. Лопухов, А. Басанец, А. Пламеницкий, В. Реунов, М. Вайнштейн, В. Одайник, И. Тартаковский и многие другие. Учениками Ильи Штильмана считали себя также Г. Минский, А. Максименко, М. Коган-Шац, И. Красный. Ассистентами профессора И. Штильмана были В. Выродова-Готье, В. Чеканюк, М. Стороженко, Ю. Ятченко.

Существует расхожее мнение, что художник — человек непрактичный, далекий от решения насущных проблем, да это, собственно, и не нужно, поскольку только мешает творчеству. Однако Штильман успешно совмещал творческий процесс с административной деятельностью. В годы Великой Отечественной войны он был ректором Украинского объединенного художественного института — Киевского и Харьковского. В начале войны провожал студентов в народное ополчение. Организованная им эвакуация в Самарканд помогла сохранить институт и его кадры.

Еще до эвакуации Илья Нисонович как ректор инициировал ускоренный выпуск студентов-дипломников. Он взял на себя ответственность без решения Государственной комиссии подписать дипломы выпускникам. Один из них был выдан Татьяне Ниловне Яблонской.

Разумеется, административная работа в какой-то степени тяготила его и отвлекала от творчества, но, тем не менее, он самоотверженно выполнял обязанности руководителя крупного учебного заведения.

Благодаря содружеству Украинского и Московского институтов Илья Нисонович тесно общался с такими крупными художниками и искусствоведами, как С. Герасимов, И. Грабарь, В. Фаворский, А. Матвеев, Д. Моор, Ю. Пименов, Р. Фальк, А. Осмеркин, Е. Кибрик, Н. Пунин и многими другими. Как личность, мастер и педагог он не терялся даже на таком ярком фоне.

◀ Вид из окна
Художественного
института. 1946.
Х., м. 63×74 см.
НХМУ

В годы войны семью Штильманов, как и многих других, коснулась трагедия Бабьего Яра. Там погиб отец его жены, который категорически отказался эвакуироваться с семьей в Самарканд, объясняя это тем, что немцы — интеллигентные люди и ничего плохого сделать ему не смогут. В Бабьем Яру были расстреляны сестра Ильи Нисоновича Паша Нисоновна Булкина и ее сын, четырехлетний Вовочка, которого во время расстрела она держала на руках.

В довоенный и послевоенный периоды Штильман был одним из руководителей Киевского и республиканского правления Союза художников Украины. Коллеги по цеху ценили его очень высоко. В своем выступлении на вечере памяти Штильмана художник и скульптор Иван Макогон говорил о нем как о «живописце нового типа». Владимир Костецкий считал этюды Штильмана гениальными; художник и искусствовед Ольга Петрова назвала его «мудрым лириком, человеком чеховского типа». Замечательный живописец А. Лымарев признавался, что, находясь в Национальном художественном музее, он никак не мог оторваться от пейзажей Штильмана, которые считал шедеврами. В свое

время он хотел перейти в пейзажную мастерскую Ильи Нисоновича и жалел, что не смог этого сделать.

В. Пузырьков, М. Коган-Шац, А. Файнерман и другие художники были убеждены, что такие работы Штильмана, как «Зима» и «Ветер», не уступают пейзажам Писсарро и Сислея и могут украсить экспозицию любого музея мира. Сергей Григорьев, который был очень строг и взыскателен в своих оценках, в беседе с младшим сыном художника Анисимом Ильичом сказал, что, по его мнению, Илья Штильман — это живописец масштаба Левитана и педагог масштаба Чистякова. Т. Н. Яблонская говорила: «Когда я гуляю по Киеву и бываю в Седневе, всегда вспоминаю пейзажи Ильи Нисоновича. Он был нашей совестью, и мы, художники, всегда старались поступать так, как советовал Илья Нисонович».

Круг человеческого и творческого общения Ильи Штильмана был необычайно широк. Он дружил со многими искусствоведами: С. Гиляровым, А. Владичем, П. Говдей, П. Белецким, Л. Миляевой, В. Цельтнером, В. Яценко, И. Вербой. В годы эвакуации в Самарканде познакомился

◀ Вверху:
Портрет сына
(А.И.Штильмана).
1943.
К., м. 53×45 см.
Собрание семьи
художника

Внизу:
Пионы. 1960.
Х., м. 100×80 см.
Собрание семьи
художника

▲ Причал в Каневе.
1960.
К., м. 49×80 см.
Собрание семьи
художника

▼ Зима. 1946.
Х., м. 54×65,5 см.
НХМУ

и сдружился с А. Чегодаевым и И. Грабарем, с которым вместе писал пейзажи. Игорь Эммануилович подарил Штильману свою книгу о Репине, выпущенную в 1934 г. в серии «Жизнь замечательных людей», с дарственной надписью: «Илье Нисоновичу Штильману на добрую память о посещении мастерской. И. Грабарь». А. Чегодаев ценил Штильмана как человека и художника, неоднократно писал о нем, о портрете Ильи Нисоновича работы Сергея Герасимова, созданном в Самарканде в 1942 г. и хранящемся ныне в Санкт-Петербургском Русском музее. Многолетняя дружба связывала Илью

Штильмана с одним из крупнейших советских искусствоведов, членом-корреспондентом Академии художеств СССР А. Федоровым-Давыдовым, автором фундаментальных работ о Левитане, русском и советском пейзаже.

Несмотря на широкую известность и признание, И. Н. Штильман в полной мере ощутил на себе проявления государственного антисемитизма. В начале 1950-х гг. он был обвинен в космополитизме и низкопоклонстве перед Западом с мотивировкой: при преподавании пейзажа в Киевском художественном институте пропагандировал среди студентов произведения французских импрессионистов как образцы высокого искусства. От него требовали публичного раскаяния и угрожали различными административными санкциями. Однако Штильман категорически отказался это сделать, поскольку считал раскаяние предательством по отношению к своим любимым художникам.

Камиль Писсарро сказал когда-то, что картины художника расскажут о нем больше, чем могли бы написать биографы. Тем не менее, творчество Ильи Нисоновича Штильмана заслуживает внимания искусствоведов и биографов и издания серьезной хорошо иллюстрированной монографии.

Сегодня картинами Ильи Штильмана дорожат музеи и частные коллекционеры. Для работ Штильмана, как для «драгоценных вин», должен настать «свой черед», ведь они интересны не только как знаковые для определенного времени и стиля, но прежде всего как произведения крупного живописца.

Иллюстрации предоставлены автором

